

Как обществу стать богаче и совершеннее?

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук, профессор НГУ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

В данной статье автор размышляет на тему: возможно ли представить экономику, в которой все субъекты придерживались бы единых правил, и можно ли считать этику общественным благом? *Ключевые слова:* этика, общественные блага, индивидуум, государство, экономика

В предыдущей статье¹ были приведены некоторые аргументы в пользу того, что этическое поведение даже части субъектов (соблюдение обязательств, учет интересов третьих лиц и ряд других принципов) не только не мешает в достижении долгосрочных экономических целей, но и способствует этому, а также помогает достичь общественной координации, равновесия в экономике и роста эффективности рыночных институтов.

К примеру, если индивидуум не демонстрирует «жадность» и ориентируется на «средние» цены, равновесие в экономике достигается быстрее. Полезность этического поведения для оптимальной аллокации ресурсов можно доказать и методом от противного. Взятки и откаты, обычно объясняемые несовершенством институтов, жесткостью конкуренции и благородной целью сохранения предприятия, рабочих мест и доходов, неизбежно будут приводить к консервации существующей структуры экономики, сохранению неэффективных производств, которые в ином случае неизбежно ушли бы с рынка.

Факты коррупции вызывают общественное порицание как незаработанные доходы и статусная рента, но для экономиста они более опасны как источник общей неэффективности экономики и способ перевода конкуренции в специфическую и разрушительную плоскость. Но присвоенные таким образом доходы, видимо, составляют не основную часть общего ущерба от коррупции для общества.

¹ Клисторин В.И. Рыночная экономика, нравственность, этика и религия // ЭКО. – 2012. – № 10. – С. 167–178.

В данной статье предлагается ответить на следующие вопросы.

- Возможно ли представить экономику, в которой все субъекты придерживались бы единых норм и правил?
- Что происходит при нарушении этических норм и как это связано с всеобщим благосостоянием?
- В какой мере можно считать этику общественным благом?

Конфликт формальных и неформальных норм

Светская и религиозная этика, с одной стороны, и государственные институты – с другой, полезны для экономического и социального развития лишь в той степени, в какой они повышают эффективность рыночной координации индивидуальных планов и действий экономических субъектов. «Этика и религия снижают неопределенность относительно того, какие варианты из стоящих перед ними альтернатив действий предпочтет другой субъект. Этика предполагает, что субъект берет на себя обязательство сократить диапазон вариантов действия до определенного, этически оправданного набора»².

Предполагается, что в этом направлении действуют и государственные институты, устанавливая формальные правила и требуя их соблюдения от всех без исключения экономических субъектов. В этом смысле этика, религия и государство являются субститутами и находятся в состоянии конкуренции. Люди часто сталкиваются с проблемой выбора норм, которым они должны следовать, принимая решения в той или иной ситуации. Человек может оправдывать свои неэтичные поступки законопослушанием или религиозными запретами. Или же, наоборот, нарушение закона – следованием нравственным или религиозным принципам.

Казалось бы, наилучшей из возможных представляется ситуация, когда светские, религиозные и законодательные предписания и нормы не противоречат друг другу, а совпадают или крайне близки между собой. В этом случае экономические субъекты, будучи сами подвержены тройному контролю, ожидают соблюдения определенных норм от других субъектов, что снижает транзакционные издержки и облегчает

² Козловски П. Принципы этической экономики. – СПб: Экономическая школа, 1999. – С. 93.

достижение равновесия и оптимума по Парето. Но в реальности это недостижимо. Не только потому, что большая часть населения Земли живет в полиэтнических и многоконфессиональных государствах, а действующее законодательство столь обширно и противоречиво, что не нарушить его очень трудно. Религиозные, этические и правовые нормы генетически не сводимы друг к другу и эволюционируют по разным причинам и с разным темпом, а иногда и в разных направлениях.

Этические нормы транслируются через множество слабо связанных между собой институтов, таких как семья, школа, армия, разного рода общины и другие коллективы и группы. Религиозные же нормы и государственные решения обычно проводятся через церковь и государственные структуры, которые, как правило, представляют собой иерархические организации³.

Кроме того, соблюдение этических и религиозных правил и норм предполагает систему поощрений (неважно, на этом свете или на том) наряду с системой наказаний (опять-таки, возможно, в другой жизни). Государство больше полагается на систему наказаний, иногда весьма строгих. В этом смысле оно обеспечивает «жесткую» координацию деятельности субъектов, в то время как этика и религия – «мягкую»⁴.

Действенность и моральная обязательность этических правил не только в экономике, но и в любых видах человеческой деятельности становятся источником и гарантией выполнения обещаний других людей и повышают предсказуемость их действий. Поскольку основой рыночной экономики является договор равноправных субъектов (с набором взаимных обязательств), а соблюдение договоров – главный принцип рыночного хозяйства, то поощрение этикой доверия друг к другу имеет важные экономические последствия в виде снижения неопределенности и рисков. Значение доверия в хозяйственном порядке, основанном на

свободных договорах, показывает, почему государство и другие экономические институты должны быть заинтересованы в том, чтобы

³ Религиозные организации, даже при сетевой структуре, обычно имеют центр, основанный на идее авторитета.

⁴ «Этика не навязывает религии и религия не принуждает к этике. Несостоятельность этики не вызывает автоматически корректирующего вмешательства религии, вера в истинность религии не вызывает сама по себе этического поведения» // Козловски П. Цит. соч. – С. 71.

хозяйствующие субъекты доверяли партнерам, равно как и в том, чтобы это доверие было оправданным.

В идеале окружающая человека среда, полная неопределенности и всевозможных рисков при принятии решения действующим субъектом, благодаря наличию этики, религии и государства, в теории должна превращаться в нечто, почти полностью зависящее от нравственного решения законопослушного человека, а следовательно, не может влиять на эти решения. На практике это позволяет человеку действовать в условиях достаточной определенности в мире, полном неопределенности. И, самое главное, этика и религия служат гарантом того, что последствия его собственной деятельности будут предсказуемыми.

Стремление к следованию этическим нормам и правилам обычно предполагает низкий уровень предпочтения настоящего над будущим. Напротив, близорукий гедонизм, т.е. высокий уровень предпочтения настоящего по сравнению с будущим и материального над духовным, трудно сочетается с этическим поведением, что давно отмечено как религиозными мыслителями, так и экономистами.

Но идеальная с точки зрения статистики, ситуация близости или совпадения религиозных норм, обыденных правил и законодательных предписаний на деле характерна только для тоталитарных обществ, которые ставят консолидацию общества выше других ценностей, включая ценности развития. Такие общества, как показывает история, внешне хотя и выглядят монолитными, но обычно долго не живут, поскольку очень быстро внешнее соблюдение норм вытесняет внутреннюю мотивацию. Этот процесс, как правило, начинается в высших слоях общества и постепенно захватывает остальные слои.

Индивидуальная рента, получаемая в результате нарушения норм в обществе, в котором все обязаны им следовать, обычно столь велика, что не может оставаться незамеченной. Моральное разложение приводит к извращению смысла и деградации институтов, что, в свою очередь, вызывает снижение эффективности координации и экономического роста.

Более того, поскольку этические, религиозные и законодательные нормы несводимы друг к другу, в тоталитарных обществах в конечном счете остается что-то одно: либо подавление религии и нравственности законом, либо распространение

религиозных норм на все стороны жизни общества и придание им характера права. И тогда роль светских этических норм подавляется, а сами они трансформируются в нечто противоположное.

Что происходит при нарушении норм

Надежды на всеобщее соблюдение неформальных норм всеми субъектами утопичны изначально – в ином случае такие общества были бы зафиксированы в памяти людей. В них, очевидно, не было бы формальных институтов и системы наказаний, коль скоро не было бы самих нарушений и преступлений. Но, во-первых, всегда как минимум найдутся лица с нарушением психики. Во-вторых, можно легко представить ситуацию, когда человек стоит перед дилеммой: какое из правил следует нарушить. Вся мировая литература посвящена именно таким случаям. В-третьих, даже зная и в принципе соблюдая нормы, человек может не устоять перед соблазном, когда выигрыш представляется особенно желанным или проигрыш – особенно чувствительным. Поскольку нижней границы таких выигрышей и проигрышей не существует, такое поведение представляется весьма распространенным.

Соблюдение этических норм требует обычно определенных усилий и достаточно четких представлений о долгосрочных последствиях и внешних эффектах, поэтому трудно требовать их соблюдения от детей. Но зная, какое большое число людей, даже став взрослыми, сохраняют детскую непосредственность и хитрость, нельзя представить всеобщее соблюдение общепринятых норм.

Возникает вопрос о том, каковы общественные потери при наличии исключений, когда нет всеобщего исполнения норм. Около полувека назад Дж. Бьюккенен и Г. Таллок показали, что возможны ситуации, когда потери незначительны или даже приводят к росту общей полезности или росту благосостояния. Если запрещено ходить по газону в целях его сохранения, но это правило иногда нарушается, то общественная полезность при 90%-м соблюдении правила будет выше, чем при 100%-м.

Далее, люди экспериментируют с нормами своего поведения подобно тому, как они экспериментируют в области технологии производства и потребления благ, законодательстве

или в искусстве. Даже если эксперименты закончились провалом, как это было с движением хиппи, они не проходят бесследно. Культура современных обществ меняется достаточно динамично. Творческие искания художников во всех смыслах, молодежные протесты, деятельность государственных и негосударственных институтов и религиозных организаций постоянно ставят под сомнение те или иные этические принципы или пытаются их сформулировать иным образом⁵.

Самое интересное заключается в том, что изменение господствующих ценностей и отражающих их этических норм может носить кумулятивный характер, поскольку скорость распространения зависит от доли индивидуумов, их разделяющих, от относительной величины выигрыша для лиц, придерживающихся подобной модели поведения, и от величины ущерба для тех, кто придерживается иной морали. Все эти параметры, очевидно, тесно связаны между собой, что подтверждается в случае так называемой эрозии этических стандартов или снижении предельной морали, когда, например, сквернословие или физическое насилие по отношению к более слабым из запретного превращается в обязательное. Специалисты даже говорят о некоем социальном законе Грешема, когда формируются механизмы давления на субъектов, в результате которого «плохие» нормы вытесняют «хорошие». В эволюции этических норм это означает, что процессы деградации идут значительно быстрее, чем восстановления.

Исходя из сказанного, следует, во-первых, что государство не должно пытаться заменить собой этические и религиозные нормы или сделать их законом. Во-вторых, оно должно следовать принципу милосердия или как минимум не ужесточать наказания. В-третьих, подавать пример этичного поведения и способствовать укреплению институтов «самоочищения» власти путем выборов, ротации или чего-то подобного.

⁵ «Экономика вместе с наукой и искусством образует три главные области культуры... Действия людей в этих областях нацелены на экономическую, теоретическую и эстетическую ценность, которым соответствуют блага пользования, познания и искусства... Экономическая ценность не является независимой от эстетической, этической и культурной ценности блага». (Козловски П. Цит. соч. С. 116–117).

Общественные блага и полезные продукты: роль этики и государства

Согласно Р. Масгрейву, государство помимо прочего производит общественные блага и способствует росту потребления полезных продуктов (достойных благ) и ограничению потребления вредных. Чтобы убедить общество в правильности своей политики, государство прилагает значительные усилия для подтверждения того, что производимые им блага действительно являются общественными; полезные продукты, производимые фирмами, домашними хозяйствами и самим государством, – полезными, а вредные – действительно несут в себе угрозу с общественной точки зрения.

Общественные блага характеризуются отсутствием конкуренции при их потреблении и порождают «проблему безбилетника». Типичный пример – национальная оборона – показывает, что наслаждение безопасностью при отсутствии угрозы внешнего нападения никак не зависит не только от числа тех, кого защищают вооруженные силы, но и даже от того, каков личный вклад того или иного субъекта в укрепление обороноспособности страны.

Другое дело – полезность или вредность продуктов. Действительно ли детское питание или медикаменты настолько полезны, что их следует субсидировать, а наркотики настолько вредны, что их следует запрещать? Может быть, следовало запретить алкоголь⁶ или опасные виды профессий, автомобили, поскольку в результате ДТП погибает людей больше, чем в современных войнах (кроме гражданских), профессиональный спорт, многие виды развлечений и т.п.?

Государство не только улавливает настроения людей, но и может манипулировать общественным мнением. Применительно к интересующему нас предмету – проблеме ценностей, государство умеет придавать некоторым благам высший приоритет ценности, в результате чего меняется общественная ценность всех других благ. При этом возникающая в общественном сознании высшая абсолютная ценность этих благ принимает

⁶ Опыт реализации сухого закона в США показывает, что запрет только усугубляет проблему и имеет следствием рост организованной преступности и коррупции.

характер дихотомии. На самом деле это далеко не так. Казалось бы, очевиден тезис о том, что много безопасности не бывает. Следовательно, расходы на оборону могут быть ограничены только ресурсами, находящимися в распоряжении общества, способностью правительства аккумулировать эти ресурсы и возможностью эффективного их использования. Разумеется, немаловажную роль играет и реальность внешней угрозы.

Но сколько раз в новейшей истории заботы о национальной безопасности приводили к обратному результату! Нарращивание военной мощи ведущими европейскими державами привело в XX веке к двум мировым войнам, хотя уже в то время в Европе говорили только об обороне от агрессии. Причины видятся, во-первых, в представлении о том, что угроза определяется не декларациями, а возможностями, а, во-вторых, в том, что обороняться можно и путем наступления. Наличие мощных вооруженных сил само по себе создает соблазн и даже необходимость их использования, поскольку еще древние знали, что меч в ножнах ржавеет быстрее... Итак, наличие военной мощи не является залогом безопасности, а для Германии и России в прошлом веке послужило одной из важнейших причин цепочки национальных катастроф. Но и без всякой войны милитаризация экономики только до определенной степени может служить росту общественного благосостояния, как бы мы его не понимали и как бы его не измеряли. Следовательно, с определенного момента общественное благо может превратиться в антиблаго⁷.

В более широком историческом контексте следует вспомнить, что войны велись и общественная безопасность поддерживалась частным образом. История большинства стран дает множество таких примеров. Так действительно ли оборона и безопасность, производимые государством, всегда являются общественным благом? Всемирная история говорит о том, что это бывает в редчайших случаях.

Если же среди экономических субъектов рассматривать и государственные структуры, которые извлекают пользу из

⁷ Любопытно, что профессиональный военный Д. Эйзенхауэр, покидая пост президента США в разгар холодной войны, посчитал уместным предупредить нацию об опасности концентрации власти в руках военно-промышленного комплекса, к развитию которого приложил немало усилий.

производства таких общественных благ, то проблема общественных благ применительно к ряду областей вообще снимается. Эти блага (например, ту же безопасность) можно рассматривать как частное благо для правительства и/или отдельных его ведомств. Тогда рыночная координация опять становится всеобщим принципом. И для достижения равновесия и оптимума по Парето необходимы лишь гибкость цен и этика как способ снижения транзакционных издержек. Анализ другого «хрестоматийного» общественного блага – маяка, – провел Р. Коуз в знаменитой статье⁸.

Но есть общественные блага другого плана, например, наука и искусство, моральные и нравственные нормы. Здесь, в отличие от обороны и безопасности, действительно нет конкуренции в потреблении, а доступ на рынок в качестве производителя и потребителя регулируется совсем другими факторами, в отличие от частных благ. Много честности или порядочности не бывает.

Как известно, общественные блага обладают такими свойствами, как неконкурентоспособность, а, следовательно, «неизнашиваемость» в процессе потребления, и положительным эффектом масштаба в части потребления и производства. Последнее означает стабильность или даже рост предельной полезности с ростом потребления и аналогичное поведение предельной производительности при производстве⁹.

Все эти свойства полностью относятся к совокупности благ, объединяемых понятием «культура». Ценность научных открытий, произведений искусства, рукотворных или природных ландшафтов определяется не их изначальной полезностью для их авторов или первооткрывателей, а числом индивидов, знакомых с ними и извлекающих пользу из этого знакомства. Но достижения науки, искусств и этическое поведение, соответствуя указанным выше критериям, «производятся» тем не менее частным образом при поддержке, а иногда и вовсе без поддержки государства.

Таким образом, мы убеждаемся, что простая и стройная теория общественных благ, включающая простую дихотомию

⁸ Коуз Р. Маяк в экономической теории // Фирма, рынок и право. – М.: Дело ЛТД, 1993. – 192 с.

⁹ Козловски П. Цит. соч. – С. 122–127.

общественные блага – частные блага, обязательность участия государства в их производстве путем финансирования и придание общественным благам приоритета высшей ценности, как минимум требует уточнения. Отсюда концепция государства как некоего субъекта, производящего набор стандартных, привычных и потому не требующих дополнительного обоснования услуг, также требует пересмотра.

Справедливость как ценность и критерий эффективности политики

Справедливость является одной из центральных этических норм и самым загадочным экономическим принципом. Иногда экономистам удавалось сформулировать и операцио-нализировать понятие справедливости применительно к определенным видам экономической деятельности. Например, справедливость в налогообложении понимается как обязанность всех субъектов платить налоги по единым правилам (при условии исключения лазеек для уклонения), а государство должно собирать налоги таким образом и в такое время, когда это наиболее удобно налогоплательщику, и заранее извещать последнего обо всех обстоятельствах сбора налогов.

Несколько иная ситуация с рыночными сделками. Сделки признаются несправедливыми, если:

- одна из сторон использует рыночную власть, например, в преддверии размещения акций их курс искусственно вздувается, а после размещения он «внезапно» падает;
- монополия сужает поле альтернатив, например, если должник вынужден соглашаться с любой процентной ставкой или тарифом;
- используются определенные методы давления, например локауты, шантаж или запугивание;
- одна из сторон обманывает другую, и та приобретает некачественное или вообще мнимое благо;
- одна из сторон вводится в заблуждение и не может оценить риски и отдаленные последствия принимаемого решения.

Перечень несправедливых сделок можно было бы продолжить. Государство должно обеспечить максимальную информационную и правовую симметрию при заключении рыночных сделок или как минимум предупредить о возможных

опасностях. В случае же выявленных нарушений – способствовать расторжению сделки и восстановлению статус-кво. Хуже обстоит дело с понятием справедливой цены. Даже краткий обзор дискуссий по этому вопросу потребовал бы целой монографии. Экономистам пришлось согласиться с тем, что «справедливые цены» – это цены легального рынка, очищенные от перечисленных выше искажений и тех, которые могут быть навязаны внешними субъектами, например, международными организациями. Именно поэтому технократические рекомендации МВФ и Всемирного банка и деятельность транснациональных корпораций часто воспринимаются как несправедливые.

Совсем плохо обстоит дело с понятием справедливости применительно к распределению. Представление многих экономистов и неэкономистов о том, что, произведя чистый продукт, общество может его распределить в любой пропорции между текущим потреблением и инвестициями, а те и другие – в любой пропорции между общественными группами, отраслями и видами деятельности, – неверно. Дело не только в «оптимальном» соотношении между потреблением и накоплением и т.п., но и в том, что в долгосрочном аспекте разделение процессов создания богатства, его распределения и потребления не работает как аналитический инструмент. Кроме того, общество и отдельные его группы имеют свое представление об этичности поведения субъектов в указанных областях и могут реагировать на факты эксплуатации, несправедливости или расточительности. Принципы равенства в минимальных жизненных стандартах, в шансах на улучшение своего положения, правило «каждому по делам его» – соответствуют справедливости, но могут противоречить друг другу.

Джон Ролз попытался сформулировать критерий распределения, отвечающий понятиям справедливости. Само по себе социальное и экономическое неравенство, с его точки зрения, не может быть признанным справедливым или несправедливым. Но распределение можно считать справедливым, если наиболее обездоленные будут иметь лучшие перспективы, а само неравенство будет связано с должностями и позициями, изначально доступными всем в равной степени. Большинство специалистов трактуют теорию Ролза как крайне эгалитарную.

Другой подход, обычно называемый утилитаристским и формально противостоящий эгалитаризму, предполагает максимизацию совокупного благосостояния как стремление к справедливости. Тогда «жертвы» со стороны отдельных групп в пользу других считаются неоправданными, если общество в целом не может достичь максимально достижимого уровня потребления материальных и духовных благ.

Опасность обеих концепций состоит не только в том, что выбранные критерии справедливости противоречат другим, разделяемым значительной частью общества, и могут быть достижимыми как при абсолютно равномерном, так и чрезвычайно дифференцированном распределении. Обе концепции хотя бы частично переносят ответственность за результаты индивидуальных решений с уровня экономических субъектов на уровень государства и общества в целом. Такое возможно в случае, когда государство «знает» потребности этих субъектов, может ранжировать потребности или как минимум отличить истинные потребности от мнимых.

Поскольку в экономике результаты распределения доходов и имущества определяются не только объемами ресурсов и качеством методик расчетов, но и везением, счастливым стечением обстоятельств, вопрос о справедливости в распределении становится совсем запутанным. С одной стороны, справедливо помогать тем, кто попал в тяжелое положение, с другой – субъект должен нести полную ответственность за принимаемые решения. Формальные теории вряд ли справятся с этой проблемой, но она постоянно решается в конкретных ситуациях на основании действующих этических норм и здравого смысла.

Государство и наиболее обеспеченные группы в принципе заинтересованы в сохранении и распространении этических норм и здравого смысла, которые помогают решать проблему справедливости как постоянный процесс ограничения несправедливости¹⁰. В

этом отношении им следует брать пример с части европейской аристократии. Если же по каким-то причинам они устраняются от решения подобной задачи, распространение «плохих» норм и деградация институтов могут принять необратимый характер.

¹⁰ Трудно требовать от нищих и бездомных уважения институтов собственности, так же как и соблюдения гигиенических норм или представлений о здоровой жизни как высшей ценности.